

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-66-73>

Функции интертекстуальных включений в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

(к 195-летию со дня рождения)

Елена Юрьевна Геймбух

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, gejmbuh@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Аннотация. Статья посвящена изучению романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», который в постсоветском пространстве вновь привлекает внимание исследователей. Для статьи избран один из аспектов организации текста, наиболее значимых для понимания его смысла и структуры, – интертекст в многообразии проявлений: рассматриваются его характерологическая и аксиологическая (экспликация христианских ценностей) функции, а также роль интертекстуальных включений в формировании авторской тональности, в расширении пространственно-временных границ повествования. В статье использован метод интертекстуального анализа (выявление интертекстуальных включений и их форм (цитаты, аллюзии, реминисценции), изучение соотношения претекста и принимающего контекста, функции интертекста), а также миропорождающий анализ (О. Г. Ревзина). В результате исследования показано, как при помощи интертекстуальных включений Н. Г. Чернышевский организует пространственно-временную структуру повествования, спецификой которого является переплетение и взаимообусловленность вневременного (вечных ценностей христианства) и временного – биографического и исторического времени персонажей и автора.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, «Что делать?», интертекст, аллюзия, реминисценция, пространственно-временная организация текста, ценности христианства, духовная культура

Для цитирования: Геймбух Е. Ю. Функции интертекстуальных включений в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (к 195-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 4. С. 66–73. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-66-73>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Functions of intertextual inclusions in N. G. Chernyshevsky's novel "What Is to Be Done?" (to the 195th anniversary of the birth)

Elena Yu. Gejmbukh

Moscow City University, Moscow, Russia, gejmbuh@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Abstract. The article examines the novel "What is to be done?" written by N. G. Chernyshevsky. In the post-Soviet space, this work again attracts the attention of researchers. The study focuses on one of the most significant aspects of text organisation essential for understanding its meaning and structure. It is intertext in the variety of its manifestations. The article considers its characterological and axiological (explication of Christian values) functions, as well as the role of intertextual inclusions in the formation of the author's tone, in expanding the spatial and temporal boundaries of the narrative. The research method is intertextual analysis, i. e. identifying intertextual inclusions and their forms (quotations, allusions, reminiscences). The article investigates the relationship between the pre-text and the receiving context, the functions of intertext, as well as world-generating analysis (O. G. Revzina). The research reveals that N. G. Chernyshevsky organises the spatio-temporal structure of the narrative with the help of intertextual inclusions. The specificity of the narrative consists in the intertwined and interdependent relationship between the atemporal (the eternal values of Christianity) and the temporal (biographical and historical time of the characters and the author).

Keywords: N. G. Chernyshevsky, "What is to be done?", intertext, allusion, reminiscence, spatio-temporal text organisation, Christian values, spiritual culture

For citation: Gejmbukh E. Yu. Functions of intertextual inclusions in N. G. Chernyshevsky's novel "What Is to Be Done?" (to the 195th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(4):66–73. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-66-73>.

Введение. Конец XX — начало XXI в. характеризуется новым всплеском интереса к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Изучение произведения идет в двух основных направлениях, причем оценивается роман с точки зрения, прямо противоположной сложившейся в науке XIX—XX вв.: с одной стороны, Н. Г. Чернышевский занимает исследователей «не как ключевая фигура материализма и социализма шестидесятых годов, но как представитель магистральной линии русской религиозной мысли» [Павлов 2019: 216], с другой — появляются работы (как литературоведческого, так и лингвистического планов), в которых вместо повторения слов самого автора о художественной слабости романа рассматривается его специфика. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского выпустил более двадцати сборников «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», посвященных разным аспектам жизни и творчества писателя и мыслителя; в 20-м выпуске (2020 г.) опубликована статья О. В. Ломовой, содержащая именной указатель авторов — исследователей творчества Н. Г. Чернышевского [Ломова 2015: 156–187].

На пересечении стержневых линий изучения романа находится интертекст: опора на мировую духовную культуру прошлого и настоящего составляет пространственно-временную основу повествования (переплетение и взаимообусловленность биографического и исторического времени в поступательном развитии человечества), а изучение «старого» слова в новом контексте позволяет понять, как Н. Г. Чернышевский это слово услышал, понял и как на него ответил (ср.: «Слово хочет быть услышанным, понятым, отвеченным»¹).

Обзор литературы об интертексте дает Е. Г. Ендальцева в статье «Литературный интертекст романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»» [Ендальцева 2013: 29–38]. Опираясь на существующие работы, исследователь излагает свою концепцию, ограничивая себя литературным интертекстом. Евангельский интертекст, значимый для понимания как смысла романа, так и его

хронотопической структуры, не является предметом внимания автора. Важными становятся выводы автора о функциях цитат из произведений (стихотворений, поэм, романов, песен, романсов и др.), которые читают, или исполняют, или обсуждают герои: благодаря этому происходит «расширение хронологических рамок романа» [Ендальцева 2013: 29], «читатель погружается в культурную атмосферу времени действия романа» [Там же: 30]. Е. Г. Ендальцева указывает на некоторые сложности в изучении интертекста («необходимость разграничения собственно интертекстуальных связей и опоры автора на определенные традиции» [Там же: 29]). Так как и нам этот вопрос кажется значимым, оговоримся, что если традиции являются предметом внимания автора романа и он так или иначе указывает на них (используя цитаты, аллюзии, реминисценции), то мы считаем это случаями интертекста (например, рассуждения о вкусах *эстетических литераторов с возвышенными стремлениями*).

Цель нашей статьи — изучение таких функций интертекста, как организация пространственно-временной структуры произведения, в том числе и через отсылки к Священному Писанию.

Анализ. Рассмотрим, как создается образ времени в романе. Сразу бросается в глаза наличие двух измерений — временного (движение из прошлого к настоящему и будущему в сюжете и снах Веры Павловны) и вечного (духовная культура: наука, искусство, христианство). Отметим, что вопрос о вере/безверии в данной статье не поднимается. Христианство рассматривается как общепринятая, доминирующая в сознании большинства система ценностей, которая и легла в основу взглядов «новых людей», т. е. людей обыкновенных, примеру которых в своем стремлении к счастью могли бы следовать другие такие же обыкновенные люди.

Максимально широкий круг изображения пространства и времени — мировая история в целом — дан в четвертом сне Веры Павловны с опорой на интертекст. Каким бы фантастическим ни был сон, время и пространство в нем вполне реальные, возникающие благодаря прямым ссылкам на прошлое и точечным цитатам, указывающим на исторических лиц (*шаптры*

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

номадов — кочевые племена III тысячелетия до н. э.; *Пизистрат* — государственный деятель Древней Греции (VI в. до н. э.); *Аспазия* — афинская гетера, жена Перикла (470 г. до н. э.) и др.), а также аллюзии на исторические события, имена мифологических героев (*Астарта* — финикийская богиня плодородия и чувственной любви (III в. до н. э.); *Афродита* — богиня красоты и любви в греческой мифологии; и др.).

Пространство у Чернышевского всегда заполнено, а время насыщено разнообразными событиями. Интересно, что писатель следует своему же собственному совету, данному устами Светлой красавицы: *переносить из будущего в настоящее все, что можно перенести*; точнее, он переносит в желаемое будущее то из настоящего, что кажется ему достойным грядущего, например, Хрустальный дворец из стекла и металла с зимним садом — аллюзия на дворец, который был построен в Лондоне и который Чернышевский не мог не видеть в 1859 г. [Ендальцева 2013: 34]. Естественно, что и все современники Чернышевского — потенциальные читатели «Что делать?» — были наслышаны об этом дворце. Таким образом, апеллируя к знаниям читателя и давая аллюзию на настоящее, Чернышевский рисует будущее светлое царство, придавая ему реалистические черты.

Пространственные границы современной Европы определяются как при помощи географических именований (...как вы живете в своих Петербургах, Парижах, Лондонах), так и благодаря упоминанию имен европейских ученых XVIII—XIX вв. — историков *Юма* и *Гиббона* (Англия), *Ранке* (Германия) и *Тьерри* (Франция); философов *Канта*, *Фихте*, *Гегеля* (Германия); профессора Болонского университета *Меццофанти* (Италия); политэкономов *А. Смита*, *Т. Мальтуса* (Англия) и др.; химика *Ю. Либиха* (Германия); светила медицинской науки *Фирхова* (Германия), *Клода Бернара* (Франция), *Бургава* (Нидерланды), *Гуфеланда* (Германия), *Гарвея* (Англия); названий произведений *В. Консидерана* «*Destinee (sociale)*» (Франция), *Людвига Фейербаха* «*О религии, сочинение Людвиг*» (Германия) и др. Не часто давая развернутые характеристики произведениям (как, например, в споре Алексея Петровича

и Лопухова *о химических основаниях земледелия по теории Либиха*), Чернышевский тем не менее создает впечатление общеевропейского пространства духовной жизни, к которой причастны и «новые люди».

Петербург времени действия романа описан гораздо более подробно. Однако детальная география улиц и прочих элементов внутригородского пространства дается прямо, без интертекстуальных отсылок. Здесь цитаты, аллюзии, реминисценции характеризуют прежде всего духовную жизнь человека, но не человека вообще, а каждую личность в отдельности, хотя, безусловно, можно разделить круг чтения «допотопных» и «новых людей». Цитаты, реминисценции к произведениям искусства, аллюзии на исторические события встречаются и в повествовательном монологе автора, что позволяет еще больше расширить сферу интересов «новых людей», к которым причисляет себя и автор.

Речь повествователя изобилует интертекстуальными вкраплениями, что свидетельствует о высоком культурном уровне как самого писателя, так и идеального читателя, на которого рассчитана книга: предполагается, что у автора и читателя общие фоновые знания, так как никаких пояснений в тексте практически нет. Отметим, что это касается как идеологически значимых моментов повествования, в которых выражается авторская позиция, так и незначительных на первый взгляд эпизодов; т. е. появление исторических/культурных ассоциаций — это специфическая черта идиостиля Чернышевского (хотя ссылки могут носить самый различный характер).

Так, например, описывая первый визит Жюли, повествователь констатирует:

Жюли взяла с собою Сержа переводчиком. Впрочем, уж такая была его судьба, что пришлось бы ему ехать, хотя бы матерью Верочки был кардинал Меццофанти; и он не роптал на судьбу, а ездил повсюду при Жюли вроде наперсницы корнелевской героини.

Ссылка на пьесы Корнеля доступна и «проницательному читателю», так как произведения этого автора были в России достаточно популярны и упоминание об амплу классицистической пьесы полностью обрисовывало роль Сержа при Жюли. Всю глубину авторской иронии читатель,

однако, мог понять, только если ему было известно, что кардинал Меццофант был полиглотом и знал около 50 языков.

Представляя книги, которые Лопухов приносит Верочке, автор-повествователь обыгрывает невежественность и ограниченность интересов Марьи Алексевны и Михаила Ивановича. По аналогии со звучанием французского слова Марья Алексевна воспринимает слово *Destinée* как *гостиня* [Рейсер 1975] и делает вывод: *значит, самоучитель светского обращения*. Однако оказывается, что *Destinée* — *судьба* и что *тут все о сериях больше говорится*. Понимая под *серией* «денежный процентный, срочный билет госуд. казначейства, из выпускаемых у нас сериями, т. е. порядками»², мать Верочки и ее жених делают вывод: *значит, как денежные обороты вести*. На самом же деле у Консидерана *серия* — одна из форм коллективного труда. Интересно, что «судьба» Верочки складывается из единства правильного и неправильного толкования слова: Вера Павловна организует мастерскую и *ведет денежные обороты*. Вторая книга — «О религии, сочинение Людвига» («Сущность христианства» философа-материалиста Л. Фейербаха, запрещенная в России) — не вызывает возражений у «испытателей»: — *Значит, о божественном? — О божественном, Марья Алексевна*.

Для «новых людей» приобщение к культуре становится духовной потребностью. Круг их чтения составляют не только книги о социальном устройстве общества, но и мировая художественная литература, представленная как точечными цитатами (упоминание авторов, их произведений, героев этих произведений), так и более или менее развернутыми характеристиками: *гамлетовское испытание, Жорж Занд, Н. А. Некрасов, Боккачио, Шекспир, Гете, А. Кольцов, Беранже, Лермонтов, Шиллер* и др.; *Лелия, Индиана, Кавальканти, Консуэло, Жанна, Женеви́ева* и др.; *Почему Шекспир величайший поэт? Потому, что в нем больше правды жизни, меньше обольщения, чем у других поэтов* и др.

Через отношение «новых людей» раскрывается и качество книг, востребованных *допотопной публикой*:

Книга попалась — «Chronique de L'Oeil de Bœuf» [«Хроника овального окна»] — вещь, перед которою «Фоблаз» вял; он [Лопухов] уселся на диван в другом конце комнаты, стал читать и через четверть часа сам заснул от скуки.

С первых до последних страниц романа любимых героев Чернышевского сопровождают не только книги, но и музыка: названы оперы «Травиата», «Риголетто», певичцы *Бозио, де-Мерик*; Верочка поет народную французскую песенку, играет «галопы»; в конце романа говорится о «битвах» между двумя хорами, которые исполняют русские народные песни наряду с романсами и ариями из опер (*песня Лизетты, песня о Еремушке, Выходила молода / За новые ворота...* и др.); репертуар «дамы в трауре» также весьма разнообразен.

Отметим, что содержание исполняемых произведений, как правило, не остается только «сюжетными включениями»: герои избирают близкие им по духу/настроению произведения, как бы примеряя на себя чужие судьбы.

Так как путь преобразования «обыкновенной девушки» в «нового человека» дан на примере Верочки, то не удивительно, что ее духовный мир обрисован наиболее детально. Стимулом к зарождению мыслей об освобождении из «подвала» становятся размышления над книгами:

Ведь вот Жорж Занд — такая добрая, благонравная, — а у ней все это только мечты! Или наши — нет, у наших уж вовсе ничего этого нет. Или у Диккенса — у него это есть, только он как будто этого не надеется; только желает, потому что добрый, а сам знает, что этому нельзя быть.

Итог размышлений Веры Павловны над вопросом «что делать?» дан в самом начале романа, во французской песенке, которую она напевает за работой. Чернышевский дает четыре куплета песни, причем последний повторяет ключевые слова первых трех:

Будем учиться и трудиться, будем петь и любить, будет рай на земле. Будем же веселы жизнью, — это дело пойдет, оно скоро придет, все дождемся его.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar-dalja.net/word.php?wordid=37527> (дата обращения: 05.12.2022).

В. Кантор, анализируя оригинал и перевод Чернышевского, утверждает, что писатель «переосмысляет эту очень жестокую песенку французского простонародья, санкюотов, призывавших — “всех буржуа — на фонарь” (*tous les bourgeois à la lanterne*) и припевом — “дела пойдут” (*Çaira!*). То есть повесим — и дела пойдут» [Кантор 2015: 8]³.

Переключки между судьбами героев романа и персонажей цитируемых произведений еще более ярко проявляются в конце романа — последних главах и эпилоге. «Дама в трауре» сопровождает исполнение песни «Красив Брингала брег крутой...» В. Скотта пояснениями, ведет диалог одновременно и с собой (*В самом деле, так было. Значит, мне и нельзя жалеть: мне было сказано, на что я иду*), и со слушателями. В то же время между Верой Павловной и Кирсановым, Катериной Васильевной и Лопуховым ведется свой диалог; сначала грусть «дамы в трауре» заставляет героиню задавать вопросы мужьям: *Саша, что, если это случится со мною?; Со мною этого не может быть, Чарли?*, — однако во время исполнения «Песни Селимы» из «Измаил-бея» Лермонтова (*Мой милый, смелее Вверяйся ты року!*) их настроение меняется:

«Забудь, что я тебе говорила, Саша, слушай ее!» — шепчет одна и жмет руку. — «Зачем я не говорила тебе этого? Теперь буду говорить», — шепчет другая.

На наш взгляд, это достаточное свидетельство того, что мысль Чернышевского все-таки выходит за рамки чисто «буржуазного пафоса» и что «антиреволюционного пафоса» [Кантор 2015: 9] в романе нет. Вспомним также беседу Кирсанова со «знакомым» его «знакомом», после чего Мерцалова и Вера Павловна значительно *поурезали крылья своим мечтам* о развитии мастерских. Чернышевский не говорит прямо о запрете, но заставляет Кирсанова в беседе подчеркивать экономическую (*торговая цель, коммерческий убыток*), а не социальную (*выпустить девушек из подвала*) составляющую

предприятия. В частности, речь шла о вывеске. Дело в том, что в название магазина *«Au bon travail. Magasin des Nouveautés»* (точный перевод: «Отличная работа. Магазин новинок»; в тексте — *магазин, хорошо исполняющий заказы*) было включено слово *travail*, которое «в сознании властей ассоциировалось с формулой французских социалистов-утопистов, в частности Л. Блана, — *droit au travail* (право на труд)» [Рейсер 1975]. Таким образом, интертекст, который легко был считан властями в художественном мире романа, становится предметом внимания автора и отсылкой к книге «*Le socialisme. Droit au travail*» для читателей в мире реальном.

Как видно, переключки внутри художественного мира романа иногда выходят за его пределы и соотносятся с действительностью. Например, многие исследователи считают, что «неточность в ст. 51 (“Опасна будет жизнь моя” вместо “Безвестна...”)” сознательна: в прикровенной форме Чернышевский передает свой разговор 1853 г. с невестой (Ольгой Сократовной — “дамой в трауре”), предупреждавший ее об опасностях его жизни, посвященной революционной борьбе» [Рейсер 1975].

Однако при наличии в романе намеков на опасности, которые подстерегают человека, вставшего на путь преобразования общества, роман не о разрушении, а о созидании, т. е. ответ на вопрос: «Что делать?» — можно сформулировать следующим образом: трудиться, изменять себя и изменять мир.

Интересно, что один из первых ответов на вопрос «Что делать?» в романе дает Мария Алексеевна:

Да в книгах-то у вас написано, что... надо все по-новому завести, так что ж они по-новому-то порядку не заводят?

Другими словами, мать Верочки ждет изменения жизни от каких-то других людей. К более высоким «инстанциям» обращается Жюли в своих стенаниях:

Боже!.. за что же ты так наказываешь меня? Вырви меня из этого круга, вырви меня из этой грязи! Дай мне силу...

И в первом сне Верочки *невеста* [ее жениха, *Любовь к людям*, выпускает из подвала, излечивает от паралича и саму Верочку, и других девушек, при этом передавая ей завет заботиться о других:

³ Различные варианты песни см.: Великая французская революция. ФОЛЬКЛОР [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20050524164008/http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#song4 (дата обращения: 05.12.2022).

Помни же, что еще много невыпущенных, много невылеченных. Выпускай, лечи.

«Новые люди» Чернышевского не ждут, пока им построят новую жизнь, — они сами строят ее, опираясь на свой опыт и знания. К чему стремятся Вера Павловна, Мерцалова, Катерина Васильевна? Желаемый результат показан в четвертом сне Веры Павловны: это счастливый мир, в котором правят *Любовь к людям* и *Равноправность*. Исследователи неоднозначно оценивают возможности построения *рая на земле*, по-разному интерпретируя описание *новой России*. И. Паперно считает, что, «хотя местность не названа, ее легко узнать из... описания. Две реки — это Тигр и Евфрат, долина — библейский Эдем. А возвышенность, с которой Вера Павловна и «царица» осматривают окрестности, — это гора Синай, где Моисей получил скрижали с Десятью заповедями» [Паперно 1996: 286]. У А. Эткинда, однако, другая точка зрения: «Не библейская Палестина, а американские Штаты становятся местом новых чаяний» [Эткинд 2001: 199]. При этом Чернышевский настойчиво подчеркивает, что Вера Павловна видит Россию:

Да, ты видишь невдалеке реку, — это Ока; эти люди мы, ведь с тобою я, русская!;

Это где Одесса и Херсон?;

...с каждым годом люди, вы, русские, все дальше отодвигаете границу пустыни на юг.

Речь может идти не о месте расположения будущего *рая на земле* (Россия), а об ориентире, модели этого «рая», т. е. об интерпретации аллюзии. На наш взгляд, это может быть только царство Божие, так как главное в снах, сюжете и героях — любовь к людям, сочувствие, сострадание, а не те качества, которые считают определяющими для американцев: *Это совсем особый народ, у них спрашивают о человеке только по деньгам и по уму*. К тому же получение Моисеем заповедей коррелирует с получением Верой Павловной наставлений от *Светлой красавицы*:

Стремитесь к нему [к будущему], работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести.

Работа для будущего состоит из двух равнозначных частей: работать для себя и для других, так как без счастья других

невозможно счастье для «новых людей». Во втором сне Веры Павловны дается «рецепт» борьбы со злом в общественной жизни, т. е. с фантастической грязью:

...до недавнего времени не знали, как возвращать здоровье таким полянам; но теперь открыто средство; это — дренаж: лишняя вода сбегает по канавам, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получает реальность.

Многие исследователи видят в этом сне аллюзию на евангельскую притчу о сеятеле:

Вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод... (Мф 13:1–9).

Другими словами, почва должна быть подготовлена, «грязь» должна быть «реальной». Но «грязь» — это не только внешние условия существования человека, это и его внутренний мир: чтобы проросли семена, они должны быть «добрыми», а не плевелами. Однако человека нельзя изменить мгновенно, «почва» (и как среда, и как внутренний мир человека) изменяется медленно; не случайно *Любовь к людям* говорит: *Сменится много поколений прежде, чем вполне осуществится то, что ты предощущаешь*.

Именно поэтому Рахметов «дает урок» Вере Павловне, которая после известия о том, что Лопухов *сошел со сцены*, собирается бежать из Петербурга:

Вы вредили делу человечества, изменяли делу прогресса. Это, Вера Павловна, то, что на церковном языке называется грехом против духа святого, — грехом, о котором говорится, что всякий другой грех может быть отпущен, но этот — никак, никогда.

Почему так рьяно защищает Рахметов мастерскую Веры Павловны от «произвола» самой Веры Павловны? Вероятно, потому, что понимает: без руководителя дело может погибнуть. Иначе говоря, процесс, запущенный новыми людьми в реальную жизнь, не так прост, как преобразование в первом сне Верочки: недостаточно прикосновения *Любви к людям*, чтобы «старые»

люди превратились в «новых», необходима внутренняя работа над самим собой, потребность в такой работе.

Анализируя задачи образа Рахметова, Е. В. Бессчетнова указывает, что «рационалист Рахметов встраивает в новую систему координат христианские ценности» [Бессчетнова 2015: 29–30]. Мы бы несколько иначе определили соотношение «старого» и «нового»: Чернышевский (соответственно и Рахметов) не столько встраивает в существующую систему координат («...возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф 22:37–39]) новые ценности, сколько указывает на пути достижения вечных ценностей в обычной, обыденной жизни. Отметим, что на таких позициях стоят обыкновенные «новые люди», и только *особенный* человек Рахметов жертвует собой, возлюбив ближнего своего больше, чем самого себя.

Людей, которые помогают другим найти путь в будущее, Чернышевский называет *соль соли земли*: «Это парафраз Евангелия от Матфея, Нагорной проповеди, где Матфей приводит слова Христа, который говорит, обращаясь к ученикам: “Вы соль земли”» [Кантор, Электронный ресурс].

Преображение человека и мира в романе не может не вызывать ассоциаций с евангельскими чудесами. Преображение человека происходит под влиянием обстоятельств, однако в соответствии с его внутренним миром: *куклы останутся куклами*, только *безвредными*. Изменения в обществе — «чудо преображения (в широком смысле — чудесное превращение качества) — приобретают научную доказательность в соответствии с конкретными научными принципами (агрохимической теорией Либиха)» [Паперно 1996: 182].

Выводы. Итак, в романе создан (в том числе и благодаря интертекстуальным включениям) образ эпохи, которая готовит почву для будущих изменений. Духовная культура изображенного мира включает науку как способ объяснения и преобразования мира, искусство как источник наслаждения и познания человека и мира, христианство как основу отношения людей друг к другу («Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» [Мф 7:12]). Таким образом, обращение к интертексту способствует не только расширению

пространства и времени, выполняет не только характерологическую функцию («новые люди», автор, пронизательный читатель), но прежде всего выявляет ту вековую основу, которая определяла духовные потребности людей, — христианство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балахонова А. А., Христова Т. Ю., Половнева М. В. Роль поэтических вставок в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Актуальные проблемы развития науки и современного образования: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2017. С. 163–165.

2. Бессчетнова Е. В. «Новые люди» в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Взгляд из XXI века // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сб. научных трудов. Саратов: Техно-Декор, 2015. Вып. 20. С. 29–35.

3. Ендальцева Е. Г. Литературный интертекст романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Уральский филологический вестник. 2013. № 5. С. 29–38.

4. Кантор В. К. Н. Г. Чернышевский как христианский мыслитель [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/40882> (дата обращения: 05.12.2022).

5. Кантор В. К. «Подпольный человек» против «новых людей» // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сб. научных трудов. Саратов: Техно-Декор, 2015. Вып. 20. С. 6–21.

6. Ломова О. В. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: библиографический указатель 1926–2011 / сост. О. В. Ломова // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сб. научных трудов. Саратов: Техно-Декор, 2015. Вып. 20. С. 156–187.

7. Павлов И. И. Три века христианского просвещения в России: становление русского европеизма (от петровских реформ к неорелигиозному Ренессансу XX века) // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 213–216. <http://doi.org/10.31857/S004287440004434-2>.

8. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. Серия: Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. VI. 207 с.

9. Рейсер С. А. Примечания к роману «Что делать?». Серия: Литературные памятники. Л.: Наука, 1975. С. 440–449.

10. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. Серия:

Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 29. 439 с.

REFERENCES

1. Balakhonova A. A., Khristova T. Yu., Polovneva M. V. The role of poetic insertions in the novel of N. G. Chernyshevsky "What is to be done?" *Aktualnye problemy razvitiya nauki i sovremennogo obrazovaniya: sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Current issues of development of science and modern education: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*. Belgorod: Belgorod State University Press, 2017. P. 163–165. (In Russ.)
2. Besschetnova E. V. "New people" in the novel "What is to be done?" by N. G. Chernyshevsky. A view from the 21st century. *N. G. Chernyshevskii. Stat'i, issledovaniya i materialy: sb. nauch. tr. = N. G. Chernyshevsky. Articles, studies and materials: a collection of articles*. Saratov: Tekhno-Dekor, 2015. Iss. 20. P. 29–35. (In Russ.)
3. Endaltseva E. G. Literary intertext of the novel "What is to be done?" by N. G. Chernyshevsky. *Ural'skii filologicheskii vestnik = Ural Philological Bulletin*. 2013;95:29–38. (In Russ.)
4. Kantor V. K. N. G. Chernyshevsky as a Christian thinker [Electronic resource]. URL: <https://postnauka.ru/video/40882> (accessed: 05.12.2022).
5. Kantor V. K. "Underground man" vs. "new people". *N. G. Chernyshevskii. Stat'i, issledovaniya i materialy: sb. nauch. tr. = N. G. Chernyshevsky. Articles, studies and materials: a collection of articles*. Saratov: Tekhno-Dekor, 2015. Iss. 20. P. 6–21. (In Russ.)
6. Lomova O. V. N. G. Chernyshevsky's novel "What is to be done?": bibliographical index 1926–2011 / comp. by O. V. Lomova. *N. G. Chernyshevskii. Stat'i, issledovaniya i materialy: sb. nauch. tr. = N. G. Chernyshevsky. Articles, studies and materials: a collection of articles*. Saratov: Tekhno-Dekor, 2015. Iss. 20. P. 156–187. (In Russ.)
7. Pavlov I. I. Three centuries of Christian enlightenment in Russia: becoming of Russian Europeanism (from the reforms of Peter the Great to the neo-religious Renaissance of the beginning of the twentieth century) (Conference Review). *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*. 2019;4:213–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S004287440004434-2>.
8. Paperno I. Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the age of realism. Moscow: New Literary Review, 1996. 207 p. (In Russ.)
9. Reyser S. A. Notes on the text of the novel "What is to be done?" *N. G. Chernyshevsky "Chto delat? " = "What is to be done?"*. Leningrad: The science, 1975. P. 440–449. (In Russ.)
10. Etkind A. Travel interpretations. Russia and America in travelogues and intertexts. Moscow: New Literary Review, 2001. 439 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Юрьевна Геймбукх, доктор филологических наук, профессор

Elena Yu. Gejmbukh, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.